

На правах рукописи

САНЖАНОВ Жамьян Шарапович

**ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА
БУРЯТСКОГО ЯЗЫКА в 20-30-е гг. XX в.
(на материале газеты «Buriyad-Mongyol-un ün»)**

Специальность 10.02.02 – Языки народов Российской Федерации
(урало-алтайские языки)

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва

2019

Работа выполнена в отделе языкознания ФГБУН

«Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН»

Научный руководитель: **Бадмаева Лариса Батоевна**, доктор филологических наук, доцент

Официальные оппоненты: **Тагарова Татьяна Бороевна**, доктор филологических наук, профессор ФГБОУ ВПО «Иркутский государственный университет»

Яхонтова Наталия Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник ФГБУН «Институт восточных рукописей Российской академии наук»

Ведущая организация: ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова»

Защита состоится «01» октября 2019 г. в 15.00 часов на заседании диссертационного совета Д 002.006.01 при Федеральном государственном бюджетном учреждении науки «Институт языкознания РАН» по адресу: 125009, г. Москва, Большой Кисловский пер., д. 1, стр. 1.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ФГБУН «Институт языкознания РАН» по адресу: 125009, г. Москва, Большой Кисловский пер., д. 1, стр. 1, и на сайте Института языкознания РАН.

Автореферат разослан «__» _____ 2019 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат филологических наук

Девяткина Е.М.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Настоящая работа посвящена изучению одного из не подвергавшихся специальному рассмотрению вопросов бурятского языкознания – исследованию общественно-политической лексики (ОПЛ) бурятского языка 1920-1930-х гг., выявлению ее структурно-семантической классификации и системному описанию в историко-сопоставительном аспекте.

В 1920-1930-е гг. на базе письменного монгольского языка и монгольской письменности был создан широкий пласт ОПЛ бурятского языка, но последующие процессы перехода бурятского языка на латиницу и кириллицу привели к значительной утрате данной лексики в языке бурят.

Актуальность темы исследования определяется необходимостью систематизации и описания общественно-политической лексики бурятского языка разных периодов, т.к. изучение данного пласта лексики имеет не только историко-лексикологическую, но и историко-культурную значимость как отражение развития духовной культуры монгольских народов, истории социально-экономических отношений в обществе, языковых, хозяйственных и культурных связей с другими народами.

Объект исследования – общественно-политическая лексика бурятского языка на монгольской письменности в 1920-1930 гг.

Предмет исследования – процесс формирования и развития общественно-политической лексики бурятского языка на монгольской письменности в 1920-1930 гг.

Цель и задачи исследования. Цель данной работы – выявить и исследовать особенности ОПЛ бурятского языка на монгольской письменности с использованием материалов газеты «Buriyad-

Mongyol-un ünep», издававшейся в 1920-1930-е гг. В соответствии с поставленной целью в работе решаются следующие задачи:

- рассмотреть историю исследования ОПЛ бурятского языка;
- описать условия и факторы, способствовавшие формированию ОПЛ;
- выявить семантику ОПЛ;
- дать классификацию ОПЛ бурятского языка;
- определить основные способы словообразования ОПЛ бурятского языка.

Теоретико-методологической основой исследования послужили теоретические положения, представленные в научных трудах: по русскому и общему языкознанию (Ф. Ф. Фортунатов, И. А. Бодуэн де Куртенэ, А. А. Шахматов, М. М. Покровский, Л. В. Щерба, С. И. Ожегов, В. В. Виноградов, Е. С. Кубрякова, И. Ф. Протченко, Н. Ю. Шведова и др.);

по тюркологии и монголистике (Н. А. Баскаков, В. А. Дыбо, Б. Я. Владимирцов, Н. Н. Поппе, Г. Ц. Цыбиков, Т. А. Бертагаев, Ц. Б. Цыдендамбаев, Г. Ц. Пюрбеев, А. А. Дарбеева, К. М. Черемисов, И. Д. Бураев, В. И. Рассадин, Л. Д. Шагдаров, Д. Д. Доржиев, У.-Ж. Ш. Дондуков, Ц. Б. Будаев, П. П. Дамбуева, Д. Д. Санжина, Г. А. Дырхеева, Д. Ш. Харанутова, Д. А. Сусеева, В. М. Егодурова, Л. Б. Бадмаева, Л. Д. Бадмаева, Ц. Өнөрбаян и др.).

Методы исследования. Для решения исследовательских задач в работе использованы: метод лингвистического описания, основанный на наблюдениях за функционированием языковых единиц, описательно-аналитический, метод сплошной выборки, сравнительно-исторический – при сравнении старописьменных примеров с современными аналогами, семантический и сравнительно-сопоставительный методы.

Материалы на монгольской письменности даны в общепринятой латинской транслитерации.

Научная новизна диссертации состоит в том, что впервые в монголоведении предпринято системное освещение специфического пласта лексики бурятского языка – общественно-политической лексики в аспекте ее формирования и развития. Впервые проведено исследование ОПЛ бурятского языка с использованием материалов из периодической печати, письменных источников на монгольском письме, дана классификация ОПЛ, установлены основные способы образования общественно-политических лексических единиц. Кроме того, новизна исследования заключается и в определении факторов, оказавших влияние на формирование ОПЛ I половины XX в. на монгольской письменности, выявлении особенностей тенденции развития общественно-политической лексики современного бурятского языка.

Материал исследования. В качестве исследовательского материала в работе использованы тексты из газеты «*Buriyad-Mongyol-un ünen*», издававшейся в 1923-1937 гг., письменные источники на монгольском письме. В целом подверглись анализу 1200 общественно-политических терминов, выявленных в языке газеты «*Buriyad-Mongyol-un ünen*» и политических дискурсов 1920-1930 гг.

Теоретическая значимость работы. Исследование особенностей функционирования ОПЛ на монгольской письменности, определение этапов формирования ОПЛ бурятского языка и способов образования общественно-политических терминов позволили выявить как основные характеристики ОПЛ бурятского языка I половины XX в., принципы формирования общественно-политической терминосистемы, так и установить факторы,

оказывающие влияние на формирование и развитие общественно-политической лексики бурятского языка, выработать подходы к изучению проблем формирования и развития не только современной ОПЛ, но и лексической системы литературного бурятского языка в целом.

Результаты исследования представляют определенный интерес для разработки общетеоретических вопросов лексикологии, выводы и обобщения могут быть использованы для сравнения и анализа, как аналогичных пластов лексики других языков, так и иных разрядов лексики монгольских языков. Кроме того, исследование позволит теоретически обобщить значение письменного монгольского языка в процессе становления литературного бурятского языка.

Практическая значимость работы. Результаты исследования могут быть использованы при разработке спецкурсов по истории литературного бурятского языка, лексикологии монгольских языков, при составлении учебных пособий по языку СМИ, а также найдут применение в лексикографической практике при составлении специальных словарей, в практике преподавания бурятского языка в школах и вузах.

Положения, выносимые на защиту:

1. Бурятская общественно-политическая лексика на монгольской письменности формировалась как часть общемонгольской ОПЛ.
2. ОПЛ на монгольской письменности была общей как для бурятского, так и для халха-монгольского языков.
3. Большинство интернационализмов и советизмов были переведены на письменный монгольский язык.

4. ОПЛ на монгольской письменности была изъята из бурятского языка в связи со сменой письменности и норм литературного языка.

5. В создании ОПЛ использовались разные способы словообразования.

Апробация и внедрение результатов. Диссертация обсуждалась на заседаниях отдела языкознания ФГБУН «Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН»; заседаниях отдела урало-алтайских языков ФГБУН «Институт языкознания РАН». По теме диссертации опубликовано 12 работ общим объемом 4,8 п.л., в т.ч. 4 статьи в рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК РФ.

Отдельные положения и результаты исследования были представлены в докладах на различных конференциях в России и Монголии в 2013-2015 гг.: Международная научно-практическая конференция «Монголын утга соёлын үнэлэмжид Д. Равжаа судлалын эзлэх байр» (Улан-Батор, 18-21 апреля 2013 г.); Международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы функционирования бурятского языка» (Улан-Батор, 11 ноября 2013 г.); Международная научно-практическая конференция «Алтаргана-2014» (Улан-Батор, 17 июля 2014 г.); Международная научно-практическая конференция «Монгол нэр томьёо судлал» (Улан-Батор, 13-14 октября 2014 г.); Международная научная конференция «Актуальные проблемы современного монголоведения и алтаистики» (Элиста, 10-13 ноября 2014 г.); Международная научно-практическая конференция «Монгол хэл бичиг, өв соёлын тулгамдсан асуудал – III», посвященная 110-летию со дня рождения монгольского академика Бямбын Ринчина (Улан-Батор, 21 марта

2015 г.); Международная научная конференция «Сурвалж бичиг, нутгийн аялгуу судлал» (Улан-Батор, 5 ноября 2015 г.).

Структура и объем диссертации. Работа состоит из введения, трех глав, заключения, приложений (№1, №2, №3), включающих списки лексических единиц в алфавитном порядке и по тематическим группам, списка условных сокращений и списка использованной литературы. Основной текст изложен на 204 страницах.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность и научная новизна проведенного исследования, определяются объект и предмет исследования, формулируются цель и задачи диссертационной работы, характеризуются анализируемый материал и методы его исследования, определяются теоретическая и практическая значимость работы, излагаются положения, выносимые на защиту, приводятся сведения об апробации диссертации.

В **главе 1 «История и источники исследования общественно-политической лексики бурятского языка»** рассматриваются аспекты исследования общественно-политической лексики в отечественном языкознании, различные трактовки термина «общественно-политическая лексика»; история изучения общественно-политической лексики бурят; описываются источники исследования ОПЛ бурятского языка.

1.1. Основные аспекты исследования общественно-политической лексики в отечественном языкознании. В отечественной лингвистической литературе исследования ОПЛ проводятся на материалах современных языков народов Российской Федерации. Первые исследования ОПЛ стали проводиться на материале русского языка. Исследование ОПЛ русского языка

традиционно делят на два периода. Первый период хронологически относят к 1920-1930 гг., а второй – к началу 1950-х г. В первый период ОПЛ русского языка освещалась лишь частично и весьма фрагментарно. Во второй период термин «ОПЛ» уже начинает приобретать четкие границы и осмысливаться как отдельный предмет исследования. Данный период хронологически доводят до 1990-х гг., в котором еще не до конца сложилось единое понимание ОПЛ, о чем свидетельствует существование множества ее толкований [Жданова 1996: 14, Ошеева 2004: 11].

Интерес к исследованию ОПЛ активизировался с 1990-х г. в связи с общественно-политическими преобразованиями в стране и в самой системе ОПЛ. Данный период характеризуется поиском новых аспектов исследования ОПЛ, попыткой возврата к национальным языкам в республиках – субъектах Федерации. Исследование же ОПЛ языков народов РФ началось с 2000-х г.

В 2000-е гг. были выделены следующие подходы к исследованию ОПЛ: номинативный или содержательно-тематический; коннотативный или номинативно-оценочный; функционально-стилистический и концептуальный. В некоторых работах исследуются одновременно номинативный, коннотативный, функциональный аспекты ОПЛ [Ошеева 2004: 12-13].

С начала 2000-х г. общественно-политическая лексика языков народов Российской Федерации стала объектом диссертационных исследований на материале калмыцкого [Бачаева 2004], татарского [Алеева 2009], чеченского, ингушского [Солтаханов 2009], якутского [Акимова 2013], кумыкского [Лабазанова 2014] языков. Большинство исследований проводилось в рамках диахронического подхода с изучением структурно-семантического аспекта и способов образования ОПЛ.

В бурятском языкознании можно выделить синхронно-описательный и диахронический аспекты исследования ОПЛ советского периода. Отдельные диахронные исследования освещали номинативный аспект ОПЛ [Дондуков 1965, 1970]. Как правило, освещалось синхронное развитие ОПЛ, а именно функционально-стилистический аспект [Цыдендамбаев 1948, 1965; Будаев 1965; Шагдаров 1965, 1967, 1972; Дарбеева 1969].

В советский период исследование бурятского языка, функционировавшего на монгольской письменности, не считалось «актуальным» направлением бурятского языкознания. В связи с этим ОПЛ бурятского языка 1920-1930-х гг., функционировавшая на монгольском письме, продолжает оставаться малоизученной и требует дальнейших изысканий.

1.2. История изучения ОПЛ бурятского языка.

В исследовании лексики бурятского языка, в частности ОПЛ четко прослеживаются два периода. Первый период хронологически относится к 20-30-м годам XX в. и характеризовался тем, что исследователи рассматривали лексику бурятского языка как неотъемлемую часть лексики письменного монгольского языка, поскольку буряты в то время использовали письменный монгольский язык в качестве литературного языка, а его письменность как национальный вид письма [Владимирцов 1927; Цыбиков 1928].

В дальнейшем данный подход к формированию лексики перестал рассматриваться в научных исследованиях и языковом строительстве в связи с отменой в 1937 г. монгольской письменности и письменного монгольского языка как литературной (письменной) нормы языка бурят. Исследование письменного монгольского языка и употребление его ОПЛ стало неактуальным.

Второй период хронологически относится к 1960-70-м годам. В этот период были подведены некоторые итоги исследования лексики бурятского языка, в частности ОПЛ.

Большинство исследователей считали, что монгольская письменность была отменена из-за несовершенства алфавита, значительного отличия от норм разговорного языка, архаичной орфографии и морфологии, что якобы это мешало проведению культурной революции [Шагдаров 1965, 1967].

Некоторые исследователи отрицательно оценивали работу по переводу интернационализмов и советизмов. По их мнению, заимствования обогащали лексику, а оригинальные переводы снижали степень освоения интернационализмов и советизмов, поэтому они отрицали необходимость употребления оригинальной ОПЛ, перевода интернационализмов и советизмов. Другие же исследователи характеризовали ОПЛ, созданную на письменном монгольском языке в 1920-30-х гг., как пройденный этап развития лексики, относя ее к архаизмам и историзмам. По их мнению, данная лексика потеряла свою функциональную актуальность в современном бурятском языке [Дарбеева 1969, Дондуков 1970].

Анализ работ показал, что в советский период исследование ОПЛ на монгольской письменности ограничивалось общей ее характеристикой, преимущественно с отрицательной стороны, поскольку идеологические установки того времени не позволяли дать ей объективную оценку.

1.3. Источники изучения ОПЛ

Источники изучения ОПЛ бурят на монгольской письменности можно классифицировать на следующие группы: общемонгольские исторические сочинения, архивные документы (делопроизводство и управление бурят), бурятские исторические

сочинения, словари, общественно-политическая переводная литература и периодическая печать.

Общемонгольская историческая литература была широко распространена среди бурят, начиная с *Mongγol-un niγuᠰa tobᠴiyan* ‘Сокровенного сказания монголов’ (XIII в.) и заканчивая *Altan tobᠴi* ‘Золотое сказание’ Лубсанданзана (XVII в.). Общемонгольские памятники имели широкое распространение среди бурят и стали основой их письменной традиции.

Архивные материалы на монгольской письменности составляют крупный фонд ОПЛ бурят. Эти источники представляют большую ценность для изучения общественно-политической жизни бурят XIX–нач. XX вв. К этому фонду можно отнести бурятские исторические сочинения XVIII–XIX вв., частично изданные в 1930-е годы.

В последнее время были переизданы на монгольской письменности бурятские летописи с комментариями, переводами на русский язык, переложением на современный бурятский и транслитерацией [Бадмаева 2007; Востриков, Поппе 2007; Шагдаров, Бадмаева 2014; Бадмаева, Очирова 2018]. Об интересе к языку летописей свидетельствует их переиздание на монгольской письменности и во Внутренней Монголии КНР [BTСВ 1999].

Современная ОПЛ бурят была представлена в словаре на монгольской письменности под названием *Oros ba Mongγol kelen-iᠡ nere to᠓iyan-u toli biᠴig* ‘Русско-монгольский терминологический словарь’, под общей редакцией Г. Ринчинэ [1930]. Заметим, что, несмотря на отсутствие определения «бурятский» в названии словаря, его корпус охватывал и бурятский язык.

Следующая группа источников представляет собой переводную общественно-политическую литературу. Данные

источники можно разделить на две группы: книжные издания и периодическая печать (газеты и журналы). Книжные издания представляют собой в количественном плане относительно небольшой объем материалов, но в содержательном плане являются ценными источниками для исследования ОПЛ.

Периодическая печать, в частности журналы составляют лишь небольшой объем источников, например, п.-мо. *Soyol-un qubisyal*, х.-монг. *Соёлын хувьсгал*, бур. *Соёлой хубисхал* 'Культурная революция'. Газеты представлены не только большим количеством номеров, но и содержат значительный объем ОПЛ, например: п.-мо. *Sine bayidal*, х.-монг. *Шинэ байдал*, бур. *Шэнэ байдал* 'Новая жизнь' и п.-мо. *Buriyad-Mongyol-un iinen*, х.-монг. *Буриад-Монголын Үнэн*, бур. *Буряад-Монголой Үнэн* 'Бурят-Монгольская правда'.

Главная партийная республиканская газета *Buriyad-Mongyol-un iinen* 'Бурят-Монгольская правда' издавалась на монгольской письменности в 1923-1937 гг. Данная газета включает не только большой объем номеров, но и содержит огромный материал для исследования не только ОПЛ, но и лексики бурятского языка в целом.

Таким образом, краткий обзор источников на монгольской письменности свидетельствует о наличии большого объема материалов для исследования ОПЛ. Отметим, что большая часть источников остается недоступной для исследователей, не владеющих монгольской письменностью. В связи с этим представляется весьма актуальным введение этих источников и ее ОПЛ в научный оборот.

В Главе 2 «Общественно-политическая лексика на монгольской письменности» рассматривается ОПЛ бурят, которая

включала в себя общемонгольскую лексику, ранние заимствования из восточных языков, а также советизмы и интернационализмы.

В общемонгольскую лексику входили ранние заимствования и новая ОПЛ, которая создавалась за счет расширения семантики, а именно переосмысления слов. Заимствования из восточных языков проникли в письменный монгольский язык еще в раннем средневековье и подверглись в значительной степени фонетической, орфографической и семантической адаптации, поэтому носителями монгольских языков они воспринимаются как исконная лексика. Интернационализмы и советизмы являются поздними заимствованиями, проникшими в язык бурят через русский язык. Эти заимствования использовались параллельно с оригинальной переводной лексикой. Но после отмены монгольской письменности оригинальная ОПЛ перестала употребляться в языке, и была полностью заменена интернационализмами и советизмами по политическим причинам.

2.1. Общемонгольская общественно-политическая лексика

Большую часть ОПЛ составляет общемонгольская лексика, распространенная в халха-монгольском и бурятских языках.

В исследовании выделены следующие лексико-семантические поля (ЛСП): 1. политическая лексика; 2. социальная лексика; 3. судебно-правовая лексика; 4. экономическая лексика; 5. производственная лексика. Исследование показало, что наиболее разработано ЛСП «Политическая лексика», которое распадается на следующие тематические классы: 1) политические институты; 2) политические процессы; 3) административно-территориальное устройство; 4) органы власти и управления.

ОПЛ бурятского языка в 1920-1930-е гг. соответствовала общемонгольской лексике. Образование новой ОПЛ шло за счет

расширения семантики или переосмысления значения слов. Следует отметить, что общемонгольская ОПЛ распространилась среди бурят, прежде всего, через письменный монгольский язык, который использовался ими до 1931 г. (частично в газете «Буряад-Монголой Үнэн» – до 1937 г.), поэтому относить ее только к халха-монгольскому языку и монголизмам не совсем верно.

Общемонгольская ОПЛ в бурятско-русском словаре [БРС 1973] советского периода указывалась либо как устаревшее слово и в устаревшем значении, либо вообще отсутствовала, что способствовало переходу ее в разряд пассивной лексики и заимствованию советизмов, интернационализмов и русизмов. В бурятско-русском словаре эта лексика дается в современном значении, но с пометой *старомонг.* – *старомонгольский язык* [БРС 2006, 2008]. Это свидетельствует о том, что эту лексику продолжают относить только к старомонгольскому языку и не распространяют ее на современный бурятский язык. В связи с тем, что монгольская письменность была литературной формой бурятского языка, полагаем, что ее лексику можно также считать и бурятской. Кроме того, в настоящее время данная лексика активно используется в языке бурят Монголии и Внутренней Монголии Китая, но с более современными дефинициями.

2.2. Заимствования из восточных языков

Происхождение заимствований из восточных языков до сих пор однозначно не определено. Так, в работах исследователей некоторые заимствования были отнесены к разным языкам. Например, слово п.-мо. *уатип*, монг. *яам*, бур. *яама(н)* ‘министерство’, как считает У.-Ж. Ш. Дондуков, происходит из маньчжурского языка [2004: 145], а Л. Б. Бадмаева – из китайского языка [2012: 97]; Кроме того, некоторые исследователи полагают,

что часть заимствованной лексики не является как таковой, а имеет монгольское происхождение. Так, Т. А. Бертагаев считает, что п.-мо. *gürün*, х.-монг., бур. *гүрэн* ‘государство, держава, империя’ монгольского происхождения, а не маньчжурского [1974: 363].

Исследователи дают разную классификацию заимствованной лексики. Например, Ц. Б. Будаев к заимствованной лексике относит тюркизмы, эвенкизмы, тибетизмы и русизмы, при этом не выделяет отдельно маньчжуризмы и китаизмы, относя их к монголизмам [1978: 173-212]. В то же время Ц. Б. Цыдендамбаев не выделяет отдельно санскритские, персидские и арабские слова, а относит их к тюркизмам [Цыдендамбаев 1972: 467-469]. Исследователи отнесли маньчжурские и китайские заимствования к монголизмам, а санскритские, персидские и арабские - к тюркизмам, поскольку, по их мнению, эти заимствования проникли в язык бурят через монгольский и тюркские языки.

В языке газеты китаизмы представлены торгово-экономическими терминами. Эти заимствования проникли в язык бурят через письменный монгольский язык и разговорный язык бурят до вхождения их в состав Российской империи. Этот факт также подтверждается наличием маньчжуризмов общественно-политического характера в языке бурят.

В материале газет была выявлена маньчжурская лексика, среди которой присутствуют общественно-политические слова, в частности, названия органов власти и административных должностей, например, п.-мо. *jurγan*, х.-монг. *жургаан*, бур. *зургаан* ‘присутственное место, учреждение’.

В общественно-политическую лексику бурятского языка на монгольской письменности вошло несколько тибетских слов,

например, п.-мо. *yurim*, х.-монг. *горим*, бур. *гурим* 'режим, порядок, правило'.

Таким образом, в ОПЛ бурятского языка присутствуют заимствования из китайского и маньчжурского языков. Заимствования из других восточных языков касаются, прежде всего, предметов быта, хозяйства, торговли и религиозных понятий. В 1920-1930-е годы данные заимствования воспринимались как исконная лексика письменного монгольского и бурятского языков.

2.3. Интернационализмы и советизмы

В исследованиях рассматривались заимствования из русского языка, в основном, с использованием материалов на кириллице. Исследователи рассматривали заимствование советизмов и интернационализмов в бурятском языке как свершившийся факт, при этом без внимания оставался процесс их освоения на монгольской письменности, а именно его характер и степень. Заимствования в общественно-политической лексике на монгольской письменности и их оригинальные переводы не были предметом отдельного исследования.

В период функционирования бурятского языка на монгольской письменности бурятские языковеды стремились развивать собственную ОПЛ и избегать заимствований советизмов и интернационализмов [Шагдаров 1967: 81-82, Дарбеева 1969: 17]. В 1936 г. в связи с постановлением Президиума ЦИК Бурят-Монгольской АССР и бюро Буробкома ВКП (б) о внедрении интернационализмов и советизмов в бурятский язык начался процесс отхода и прямого отказа от оригинальной ОПЛ на монгольской письменности.

В результате репрезентативной выборки газетного материала были выявлены две группы советизмов и интернационализмов. К

первой группе относятся интернационализмы, имеющие оригинальный перевод, и ко второй - не имеющие оригинального перевода. При этом интернационализмы и советизмы использовались параллельно с оригинальной переводной ОПЛ. Но после отмены монгольской письменности оригинальная ОПЛ перестала использоваться в языке и была полностью заменена на интернационализмы и советизмы по политическим причинам.

Глава 3 «Способы словообразования общественно-политической лексики бурятского языка» посвящена рассмотрению различных способов образования лексических единиц ОПЛ: аффиксального, лексико-семантического, лексико-синтаксического, фонетического способов. Отметим, что ранее исследования способов образования ОПЛ бурятского языка проводились только на основе материалов, изданных на кириллице. Способы образования ОПЛ на монгольской письменности до сих пор остаются малоизученными.

3.1. Аффиксальный способ словообразования

Методом сплошной выборки из газетных номеров «Buriyad Mongyol-un ünep» выявлены наиболее часто используемые аффиксы словообразования ОПЛ:

- 1) Аффикс *-čī(n)* (п.-мо.) / *-ша(н)/-шо(н)/-шэ(н)* (бур.) образует существительные от именных основ, которые обозначают род занятий, профессиональную принадлежность: п.-мо. *elčīn sayid*, х.-монг. *элчин сайд*, бур. *элиэн сайд* 'посол', п.-мо. *üyiledbüričīn*, бур. *үйлэдбэришэн* 'производственник';
- 2) Аффикс *-lta/-ltü/-lte* (п.-мо.) / *-лта/-лто/-лтэ* (бур.) образует имена существительные с отвлеченными и конкретными значениями: п.-мо. *qangyalta*, х.-монг. *хангалт*, бур. *хангалта*

- ‘обеспеченность, обеспечение’, п.-мо. *jöbleltü*, х.-монг. *зөвлөлт*, бур. *зүблэлтэ* ‘советский’;
- 3) Аффикс *-tu/-tü* (п.-мо.) / *-ta/-to/-тэ* (бур.): п.-мо. *eb qamtu*, х.-монг. *эв хамт*, бур. *эб хамта* ‘коммунизм’, п.-мо. *körünggetü*, х.-монг. *хөрөнгөт*, бур. *хүрэнгэтэ* ‘капиталистический, буржуазный’;
- 4) Аффикс *-uyuli* (п.-мо.) / *-уули* (бур.) п.-мо. *songuyuli*, х.-монг. *сонгууль*, бур. *хунгуули* ‘выборы’;
- 5) Аффикс *-l* (п.-мо.) / *-л* (бур.): п.-мо. *jöblel*, х.-монг. *зөвлөл*, бур. *зүблэл* ‘совет’: *jöblel-üid-ün songuyuli* ‘выборы в Советы’, п.-мо. *qubisyal*, х.-монг. *хувьсгал*, бур. *хубисхал* ‘революция’;
- 6) Аффикс *-lga/-lgo/-lge* (п.-мо.) / *-лга/-лго/-лгэ* (бур.): п.-мо. *möljlige*, х.-монг. *мөлжлөг*, бур. *мүлжэлгэ* ‘эксплуатация’;
- 7) Аффикс *-bari/-büri* (п.-мо.) / *-бару/-бору/-бэри* (бур.): п.-мо. *sidgübüri*, х.-монг. *шийдгэвэр*, бур. *шиидхэбэри* ‘решение, постановление’;
- 8) Аффикс *-tan/-tun/-ten* (п.-мо.) / *-тан/-тон/-тэн* (бур.): п.-мо. *körünggeten*, х.-монг. *хөрөнгөтөн*, бур. *хүрэнгэтэн* ‘капиталисты, буржуазия’;
- 9) Аффикс *-mji* (п.-мо.) / *-мжа/-мжо/-мжэ* (бур.): п.-мо. *tetgümji*, х.-монг. *тэтгэмж*, бур. *тэдхэмжэ* ‘пособие’;
- 10) Аффикс *-lčay-a/-lčeg-e* (п.-мо.) / *-лсаа/-лсоо/-лсээ* (бур.): п.-мо. *qarilčay-a*, х.-монг. *харилцаа*, бур. *харилсаа* ‘отношения’;
- 11) Аффикс *-aγan/-egen/-uγan* (п.-мо.) / *-аан/-ээн/-өөн* (бур.): п.-мо. *naγitayan*, х.-монг. *наймаа*, бур. *наймаан* ‘торговля; коммерция; продажа’;
- 12) Аффикс *-aγur/-egür* (п.-мо.) / *-уур/-үүр* (бур.): п.-мо. *delgegür*, х.-монг., бур. *дэлгүүр* ‘магазин’;

- 13) Аффикс *-ri* (п.-мо.) / *-pu* (бур.): *ködelmüri*, х.-монг. *хөдөлмөр*, бур. *хүдэлмэри* ‘работа’;
- 14) Аффикс *-ау-а/-ег-е* (п.-мо.) / *-аа/-ээ/-өө* (бур.): п.-мо. *барау-а*, х.-монг. *бараа*, бур. *бараа* ‘товар’;
- 15) Аффикс *-ақин/-екün* (п.-мо.) / *-хуун/-хүүн* (бур.): п.-мо. *ed kereglegdekiin*, х.-монг., бур. *эд хэрэглэдэхүүн* ‘материал, продукция’.

В некоторых случаях ОПЛ создавалась с одновременным использованием аффиксального и лексико-синтаксического способов образования, например, п.-мо. *eb qamtu*, х.-монг. *эв хамт*, бур. *эб хамта* ‘коммунистический, коммунизм’.

3.2. Лексико-семантический способ словообразования

Лексико-семантический способ словообразования заключался в переосмыслении слова, то есть какое-либо слово приобретало новое значение и содержание по аналогии или ассоциации предметов и понятий.

Лексико-семантический способ широко использовался в образовании ОПЛ бурятского языка. Данный способ словообразования активно применялся с использованием лексики письменного монгольского языка.

Перенос названия одного предмета, явления или процесса на другой по сходству признаков имел широкое распространение в словообразовании ОПЛ бурятского языка на монгольской письменности, например: п.-мо. *qoriy-a*, х.-монг., бур. *хороо* ‘комитет’: *huriyad mongyol-un qoriy-a-ača doluyar qonuy büri-dü nige qayudasu yarayadamui* ‘бурят-монгольский комитет выпускал каждую неделю одну полосу’ [БМУ 1923. 10. 17 № 2, стр. 1]. Значение данного слова возникло в результате расширения значения слова х.-монг. *хороо*, бур. *хорёо* ‘ограда’; п.-мо. *qolbuyan*, х.-монг. *холбоо*,

бур. *холбоон* ‘союз, объединение’: *ködüge ajilčin-и qolbuуan* ‘союз крестьян’ [БМУ 1925. 07. 10 № 24, стр. 4]. Данное слово возникло в результате расширения значения слова х.-монг. *холбоо*, бур. *холбоон* ‘связь’.

Продуктивность данного способа словообразования заключалась в семантическом изменении значения слова, а именно в расширении его значения. Новое значение слова социально нормировалось и принималось носителями языка в новом значении через язык газеты.

Часть ОПЛ, образованная лексико-семантическим способом, расширила свое значение за счет переосмысления лексики, образованной аффиксальным способом. Например, п.-мо. *γadaγadu*, х.-монг. *гадаад*, бур. *гадаада* ‘иностранный, зарубежный’: *γadaγadu ulas* ‘иностранное государство, зарубежная страна’ [БМУ 1923. 12. 04 № 5, стр. 2]. Слово п.-мо. *γadaγadu*, х.-монг. *гадаад*, бур. *гадаада* ‘иностранный, зарубежный’ образовано от п.-мо. *γadaγa* ‘наружный, внешний’ и аффикса *-du*. Некоторая часть ОПЛ расширила свое значение за счет переосмысления историзмов и архаизмов, например: п.-мо. *sayid*, х.-монг., бур. *сайд* ‘министр’: *sayid üni udayan sayataqu* ‘министр задержался’ [БМУ 1924. 10. 22 № 43, стр. 5]. В ранних источниках п.-мо. *sayid* означал ‘сановник, знать, вельможа’.

Данный способ не получил дальнейшего развития по причине отмены монгольской письменности и избыточного заимствования советизмов и интернационализмов.

3.3. Лексико-синтаксический способ словообразования

Методом сплошной выборки лексического материала из газетных статей «*Buriyad mongγol-un ünēn*» 1920-30-х гг. выявлены

два типа лексико-синтаксического словообразования, наиболее часто используемые в словообразовании ОПЛ:

а) составные слова по типу атрибутивной конструкции:

п.-мо. *jasay-un yajar*, х.-монг. *засгийн газар*, бур. *засагай газар*, совр. бур. *правительство* ‘правительство’ (словарь под ред. Г. Р. Ринчино); п.-мо. *qolbuyatu ulas*, х.-монг. *холбоот улс*, бур. *холбоото улас*, совр. бур. *федераци* ‘федерация, федеративное государство’; п.-мо. *qolbuyatu jasad*, х.-монг. *холбоот засаг*, бур. *холбоото засаг*, совр. бур. *федеральна засаг* ‘федеральная власть’; п.-мо. *ede-yin jasad*, монг./ *эдийн засаг*, бур. *эдэй засаг*, совр. бур. *экономико* ‘экономика’;

б) составные слова по типу адвербиальной конструкции:

п.-мо. *alban qayaguid*, х.-монг. *албан хаагч*, бур. *албан хаагша* ‘служащий’; п.-мо. *teikei edlel*, х.-монг. *түүхий эдлэл*, бур. *түүхэй эдлэл*, совр. бур. *полуфабрикат* ‘полуфабрикат, сырье’; п.-мо. *degedii suryaguli*, х.-монг. *дээд сургууль*, бур. *дээдэ хургуули*, совр. бур. *институт* ‘институт’.

в) парные слова:

п.-мо. *ulas törü*, х.-монг. *улс төр*, бур. *улас түрэ*, совр. бур. *гүрэн* ‘государство’; п.-мо. *eb nayiramdal*, х.-монг. *эв найрамдал*, бур. *эб найрамдал* ‘мир, перемирие’; п.-мо. *arad tümün*, х.-монг. *ард түмэн*, бур. *арад түмэн*, совр. бур. *арад зон* ‘народ’; п.-мо. *kereg üyil*, х.-монг. *хэрэг үйл*, бур. *хэрэг үйлэ*, совр. бур. *мероприяти* ‘мероприятие’; п.-мо. *ed baraya*, х.-монг., староп. бур. *эд бараа* ‘товар’, совр. бур. *бараа, товар*; п.-мо. *utasun qoriyan*, х.-монг. *утасан хороо*, бур. *утаһан хороон*, совр. бур. *телеграф* ‘телеграф’; п.-мо. *erke medel*, х.-монг. *эрх мэдэл*, бур. *эрхэ мэдэл*, совр. бур. *полномочи* ‘полномочия’;

Таким образом, функционирование в 1920-30-е гг. большого пласта ОПЛ бурятского языка было обусловлено широким использованием двух типов лексико-синтаксического словообразования: составные слова и парные слова. Составные слова образованы, в основном, без дополнительных морфологических показателей, например, п.-мо. *teükei edlel*, х.-монг. *түүхий эдлэл*, бур. *түүхэй эдлэл* ‘полуфабрикат’ и т.д.

3.4. Фонетический способ словообразования

Исследование чередования *h~c* в образовании ОПЛ становится крайне актуальным в силу того, что в ОПЛ на монгольской письменности фонема *h* не применялась. Она была орфоэпической вариацией фонемы *c* в некоторых бурятских диалектах. Однако с переходом в 1939 г. на кириллицу в бурятском языке фонема *c* в соответствующих позициях была заменена фонемой *h*, которая широко представлена в хоринском диалекте, взятого за основу литературного языка на кириллице.

Механическая замена фонемы *c* на *h* рассматривалась как реализация политики приближения к разговорному бурятскому языку, отхода от монгольской письменности и общемонгольской лексики. Данная политика была одним из основных направлений языкового строительства в 1930-е гг. [Дарбеева 1969: 15-17, Шагдаров 2012: 162].

Огромный пласт лексики с фонемой *c* в бурятском языке демонстрируют материалы газеты «Буряад-Монголой Үнэн» за 1920-1930-е гг. Методом сплошной выборки выявлена общественно-политическая лексика с фонемой *c*, которая не представлена в языке современных бурят РФ. В бурятско-русских словарях советского периода лексика с фонемой *h* давалась в устаревшем значении,

например, *хайд* означает ‘сановник’, что относило его к историзмам и переводило в разряд пассивной лексики. В лексике бурят Монголии и Внутренней Монголии Китая слово *хайд* благодаря фонетической дифференциации стало *сайд* со значением ‘министр’. В то же время лексика с фонемой *с* не была представлена в словарях, например, п.-мо. *sayid*, х.-монг. *сайд*, бур. *сайд* ‘министр’.

При переходе на кириллицу механическая замена *с* на *h* не коснулась лишь небольшой части ОПЛ бурятского языка, например: п.-мо. *asayudal*, х.-монг., бур. *асуудал* ‘проблема, вопрос’, п.-мо *jasay*, х.-монг., бур. *засаг* ‘власть’.

В Заключении подведены итоги проведенного исследования. Основные результаты работы состоят в следующем:

Исследование ОПЛ имеет важное практическое значение, поскольку существуют трудности, связанные с ее формированием, унификацией и развитием, в первую очередь в языке СМИ. Эти трудности, на наш взгляд, непосредственно были вызваны сменой письменности, в частности отменой монгольской письменности и ее языка как литературной нормы бурят в конце 30-х годов XX в.

В бурятоведении долгое время существовало мнение о том, что литературный бурятский язык, функционировавший на монгольской письменности в 1-й трети XX в., являлся устаревшим и архаичным письменным языком, не отвечавшим современным требованиям. Однако исследование ОПЛ бурятского языка I половины XX в. дает основание считать, что литературный язык на основе монгольской письменности был достаточно разработан и отвечал современным общественным и языковым требованиям.

Исследование показало, что бурятская ОПЛ на монгольской письменности была общей как для бурятского, так и для халха-монгольского языков. Данная лексика была разработана совместно

бурятскими и халха-монгольскими учеными-филологами в 20-30-е годы XX в. Совместные усилия ученых дали благоприятный толчок для развития ОПЛ бурят и халха-монголов. В настоящее время эта лексика активно используется в современном халха-монгольском языке, а также в языке бурят, проживающих во Внутренней Монголии КНР.

Причина отмены монгольской письменности была языковая политика. Смена письменности привела не только к полному забвению литературы, источников и памятников на монгольской письменности, но и к изменению ОПЛ бурятского языка. В частности, произошла утрата оригинальной ОПЛ, и был заимствован значительный пласт советизмов и интернационализмов. В результате появились существенные различия в лексике бурят, проживающих в РФ, Монголии и КНР.

Со сменой письменности произошла отмена письменного монгольского языка как литературной нормы бурятского языка. Нормы письменного монгольского языка заменялись нормами разговорного языка, прежде всего в лексике. С запретом оригинальной ОПЛ, внедрением разговорных норм и заимствований началось формирование новой ОПЛ бурят.

Исследование особенностей формирования и функционирования общественно-политической терминологии бурятского языка в 1920-1930 гг. дает представление о состоянии терминологической науки в Бурятии, позволяет определить задачи терминологии на перспективу, в числе которых изучение и описание терминологических систем, функционирующих в современном бурятском языке; упорядочение существующих терминологических систем.

В связи с этим представляется возможным актуализировать ОПЛ, сохранившуюся в языке периодической печати Бурятии, письменных источников 1920-1930 гг., в языке бурят Монголии и Китая, что будет способствовать процессу деархаизации общественно-политических терминов, функционировавших в I половине XX в. и дальнейшему развитию ОПЛ современного бурятского языка в целом. Подобные тенденции уже отмечены в языке современных СМИ: *гулваа* в.м. глава администрации, *захирал* в.м. директор, *яаман* в.м. министерство, *сайд* в.м. министр, *эдэй засаг* в.м. экономико, *сомон* в.м. сельсовет, *сэтгүүл* в.м. журнал и т.д.

В дальнейшем, думается, целесообразно восстанавливать в количественном плане употребление грамматических, лексических, словообразовательных элементов письменного монгольского языка, поскольку лексика письменного монгольского языка является одним из внутренних ресурсов развития современного бурятского языка. В связи с этим считаем, что дальнейшее развитие современной ОПЛ бурятского языка возможно при активном использовании лексических единиц языка газет, журналов, издававшихся до 1937 г. на монгольской письменности.

В целом, общественно-политическая лексика бурятского языка в 1920-1930 гг. адекватно отражала основные понятия общественно-политической науки и была в состоянии обеспечивать терминологические потребности политических дискурсов указанного периода.

Полагаем, что дальнейшее обогащение общественно-политической лексики современного бурятского языка пойдет по пути актуализации лексики, некогда сознательно отодвинутой в пассивный запас языка, возвратившейся в активное употребление в

результате процесса деархаизации лексики из пассивного запаса бурятского языка..

По теме диссертации опубликованы:

Статьи в журналах, рекомендованных ВАК для публикации основных положений диссертации:

1. Общественно-политическая лексика бурятского языка // Вестник Бурятского госуниверситета. – Улан-Удэ, 2013. – № 10. – С. 6–10 (0,4 п.л.).
2. История исследования ОПЛ бурятского языка // Гуманитарный вектор. – Чита, 2013 г. – № 4 (36). – С. 208–211 (0,4 п.л.).
3. Фонетический способ словообразования ОПЛ бурятского языка // Гуманитарный вектор. – Чита, 2014. – № 4 (40). – С. 138–143 (0,4 п.л.).
4. Оказиональность семантики орудного падежа бурятского языка в СМИ // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов, 2016. – № 7 (61): в 3-х ч. Ч. 2. – С. 164–167 (0,4 п.л.).

Статьи в научных сборниках и журналах

5. Современная общественно-политическая лексика бурят Внутренней Монголии // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – М., 2013. – № 6. – С. 246–250 (0,4 п.л.).
6. Фонетическое чередование *h* / *c* в общественно-политической лексике бурятского языка // Актуальные проблемы монголоведения и алтаистики. – Элиста, 2014. – С. 301–303 (0,4 п.л.).
7. Лексико-синтаксический способ словообразования ОПЛ бурятского языка (на материале газеты «Buriyad Mongyol-un ünэн» – ‘Буряад-Монголой Үнэн’) // Актуальные проблемы монголоведения:

Ц.Б. Цыдендамбаев – выдающийся монголовед. Вып. 5. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2016. – С. 119–126 (0,4 п.л.).

В зарубежных журналах:

На английском языке:

8. Nicholas Poppe’s contribution to the field of Buryat-Mongolian linguistic studies // Journal of Central and Inner Asian dialogue. 2013. Vol. 1. P. 17– 21. (0,4 п.л.).

На монгольском языке:

9. 1920-30 оны буриад аялгууны төр нийгэм, эдийн засгийн үгийн сангийн хөгжил // Данзан Равжаагийн бага хурлын эмхэтгэл. – Улаанбаатар, 2013. - 179–187 х. (0,4 п.л.).

10. ОХУ-ын буриад аялгууны үгийн сангийн хөгжил // Буряад судлал. – Улаанбаатар, 2013. – № 4. – 37–45 х. (0,4 п.л.).

11. Буриад хэл аялгууны нийгэм, улс төрийн үг хэллэг бүтээхэд авиа зүйн арга хэрэглэх нь” (h / c сэлгэцийн жишээн дээр) // Монгол нэр томъёо судлал. – Улаанбаатар, 2014. – 202–206 х. (0,4 п.л.).

12. ОХУ-ын буриад хэл аялгуунд үг бүтээхэд авиа зүйн арга хэрэглэх нь // Монгол хэл бичиг, өв соёлын тулгамдсан асуудал. III. – Улаанбаатар, 2015. – № 4. – 27–35 х. (0,4 п.л.).